

—

Вдвоём они возились с ингредиентами, не оставляя Лу Синцзя никакого шанса помочь.

Лу Синцзя сидел за столом, неторопливо читая книгу, и заодно ждал, когда на стол подадут новогодний ужин.

Их дом находился в старом районе, в центре города, и окна комнаты выходили прямо на дорогу.

В канун Нового года на улицах царил оживлённая атмосфера, толпы людей, в шумном воздухе смутно слышались песни «Поздравляю, поздравляю, поздравляю вас» и реклама больших скидок, доносящиеся из соседнего супермаркета.

Внутри дома тоже было шумно и уютно. Лу Синцзя оставил щель в двери, прямо напротив кухни.

Из кухни время от времени доносились голоса шутящих. Сян Ичжи немного смазал мукой лицо Хэ Си, а Хэ Си, надувшись, тоже взяла испачканную мукой руку и схватила его за щёку, так по-детски, что даже Лу Синцзя, старшеклассник, почувствовал отвращение.

Атмосфера была такой нежной, словно вокруг витали розовые пузырьки, но Лу Синцзя не мог сосредоточиться на чтении. Он лежал на своих руках, время от времени играя со своим кнопочным телефоном.

Как там Цинь Мудун?

Что у него там за дела, почему он ему отказал?

Может быть, у него есть какая-то невысказанная причина?

Но как бы там ни было, он не мог силой заставить его прийти и встретить Новый год с ним.

Лу Синцзя тяжело вздохнул, лёжа на столе, и с нетерпением ждал, когда пробьют двенадцать часов.

—

Люди в супермаркете собирались небольшими группами, смеялись или шумели.

Холодный на вид юноша в одиночестве бродил среди толпы. Он был одет во всё чёрное, одна рука небрежно засунута в карман брюк. Его равнодушное выражение лица резко контрастировало с оживлённым супермаркетом, отчего он выглядел мрачным и одиноким.

Он большими шагами направился к полке, чтобы взять две большие упаковки лапши быстрого приготовления. Когда он проходил мимо холодильника, к нему с энтузиазмом подошла промоутер, полностью преградив ему путь.

«Молодой человек, на Новый год, возьмите пакетик пельменей?»

«Нет...» — Цинь Мудун, не задумываясь, отказал.

«Это наша новая начинка со свининой и кукурузой, очень популярная, все, кто пробовал, говорят, что вкусно!»

Свинина и кукуруза... да?

Взгляд Цинь Мудуна слегка изменился, и он молча взял пельмени из рук промоутера.

Лу Синцзя любит кукурузу, поэтому Хэ Си каждый раз лепит булочки с кукурузной начинкой.

Вкус варёных пельменей должен быть примерно таким же, как у булочек, верно?

«Не беспокойтесь, берите! Абсолютно точно вкусно!» — промоутер была пухленькой, её глаза смеялись, сужаясь в щёлочки. «Ещё что-нибудь нужно? Танъюань, спринг-роллы, у нас есть...»

«Не нужно».

На этот раз Цинь Мудун не дал ей договорить, бросил пакет с пельменями в корзину и быстро ушёл.

Промоутер покачала головой, она уже привыкла к самым разным странным покупателям, и, держа в руке «маленькую пчелу», продолжала выкрикивать: «Идите-идите, посмотрите! Пельмени по акции! Изначальная цена...»

Выйдя из дверей супермаркета, шум мгновенно отрезался от ушей.

Цинь Мудун, одной рукой держа большой пакет из супермаркета, в одиночестве вернулся домой.

Достал ключ, открыл бронированную дверь, свет мигнул, прежде чем зажечься. Цинь Мудун с

пакетом зашёл на кухню.

Две большие упаковки лапши быстрого приготовления, две коробки яиц, немного зелени... и большая упаковка пельменей со свиной и кукурузой.

Он разложил продукты по пустым полкам холодильника, и когда его пальцы коснулись пакета с замороженными пельменями, они замерли.

По северным обычаям на Новый год едят пельмени, что означает мир и воссоединение в следующем году.

Цинь Мудун не понимал, какой прок от этого эфемерного желания. Разве сбывшееся желание может заставить исчезнуть несчастья, которые должны были случиться?

Но он всё равно, дрожащей рукой, надорвал пакет с замороженными пельменями, покрытыми льдом.

Набрал воду, положил пельмени, включил плиту.

Вскоре вода закипела, пузырьки булькали вверх, лопаюсь на поверхности, а белые пухлые пельмени всплыли, кругленькие.

Почему-то Цинь Мудун вдруг вспомнил о Лу Синцзя, который зимой носил много одежды и был похож на маленький комочек.

Такой милый, что хочется...

«Хлоп».

Сильный удар кулаком по кухонной столешнице, выложенной плиткой, деревянная разделочная доска слегка покачнулась, и немного бульона от пельменей выплеснулось.

Цинь Мудун тяжело дышал, обессиленно прислонившись к холодной плитке, заставляя себя не думать дальше.

После того как разделочная доска перестала шататься, всё снова стало спокойно.

Как будто ничего не произошло, Цинь Мудун выключил огонь и переложил пельмени в миску.

За окном неизвестно когда начали запускать фейерверки, по телевизору шла комедийная сценка. Громкость телевизора была на максимуме. Цинь Мудун сидел один на полу, скрестив

ноги, держа миску, и смотрел в телевизор, но его взгляд был расфокусирован.

Такой тихий и пустой дом, даже заполненный шумом телевизора, казался одиноким.

У него не было никаких важных дел, даже на Новый год он один сидел в холодной квартире.

Он просто боялся снова приближаться к Лу Синцзя.

Цинь Мудун всегда знал, что он отличается от обычных людей.

Его степень одержимости чем-либо превосходила все ожидания.

Если его учебники использовал кто-то другой, он их выбрасывал. Если его одежду носил кто-то другой, он никогда её больше не надевал. Молочные ириски, подаренные дедушкой, были его собственностью, и если кто-то осмеливался прикоснуться к ним, он обязательно заставлял этого человека платить.

Пока в тот день, в лунную ночь, он не осознал, что тоже считает юношу со звездами в глазах своим собственным.

Но, к сожалению, этот юноша был не вещью, а человеком, которого он никогда не мог желать.

Он не мог так больше продолжать. Он просто не мог не хотеть заковать этого человека в железную цепь и не спрятать его где-нибудь, где его никто не увидит.

Он будет его ненавидеть, будет бояться, будет плакать от страха, будет жалеть, что связался с ним, будет молить его отпустить, но как только он подумает, что все его радости и печали исходят от него, в его глубине души вспыхивают ожидание и удовлетворение.

Он был полным извращенцем.

Такая яркая звезда не должна быть запятнана такой грязью, как он.

Часы крутились, и вот-вот должно было наступить двенадцать часов.

Как только пройдёт двенадцать, начнётся Новый год.

Миска с пельменями была уже пуста, но Цинь Мудун всё ещё сохранял прежнюю позу, его взгляд неподвижно смотрел в телевизор.

Сердце глухо билось, словно погружённое в большую бочку с солёной водой, солоноватое и опухшее.

Казалось, он чего-то ждал, а чего-то, казалось, боялся.

Под одним и тем же небом телевизор показывал одну и ту же картинку.

Минутная стрелка приближалась к числу двенадцать, ведущий уже готовился произнести свой текст.

—

Лу Синцзя сидел на диване, засовывая в рот горячий пельмень, и от жара он только причмокивал.

Чтобы поприветствовать приезд Сян Ичжи, Хэ Си специально открыла бутылку красного вина.

Лу Синцзя был несовершеннолетним и не мог пить, а двое взрослых выпили довольно много.

На лице Сян Ичжи появился румянец, и он без умолку разговаривал с Хэ Си.

То говорил, что нашёл новую партию товара, которую нужно привезти Хэ Си, то хвалил Хэ Си за красоту и доброту, а в конце концов, настаивал, чтобы Хэ Си спела с ним.

Хэ Си тоже была не лучше, она действительно взяла палочки для еды вместо микрофона и спела с ним дуэтом.

Лу Синцзя позволял им шуметь, сам сидел на диване и смотрел обратный отсчёт до новогоднего гала-концерта.

Пять минут.

Три минуты.

Две минуты.

Минутная стрелка настенных часов крутилась, до 12 часов оставалось всего две минуты. Лу Синцзя быстро запихнул последний пельмень в рот, поставил миску и со всех ног бросился в комнату.

«Цзяцзя, ч-ч-что ты делаешь?» — Хэ Си, пьяная, еле выговаривала слова.

Лу Синцзя из комнаты ответил: «Дела есть!»

«Не, не обращай внимания на него», — Сян Ичжи взял её за руку, переплетая пальцы. «Сяо Си, я сегодня очень, очень счастлив, не ожидал, что ты пригласишь меня к себе домой...»

Лу Синцзя хлопнул дверью комнаты, заглушив все звуки снаружи.

Он быстро взял телефон, ловко набирая 11 наизусть выученных цифр.

«Гудок...»

«Гудок...»

В момент соединения никто не говорил.

Шумный фоновый звук телевизора доносился из трубки.

«Новогодний колокол вот-вот пробыёт, пожалуйста, зрители, давайте отсчитывать вместе с нами: пять — четыре — три — два — один...»

Лу Синцзя, точно по времени, опередив ведущего, быстро сказал: «С Новым годом».

Музыка по телевизору внезапно стала весёлой, ведущий, сияя улыбкой и с румяными щеками, воскликнул: «С — Новым — годом!»

Цинь Мудун поднял руку и выключил телевизор. В комнате мгновенно воцарилась тишина, ни звука.

«С Новым годом», — тихо сказал он.

Слегка хриплый голос, проходящий через трубку и несущий еле слышный электрический разряд, упал на ухо, оставаясь чистым, почти ласковым.

Лу Синцзя вдруг почувствовал себя немного горячим, бессознательно облизнул губы и глупо повторил: «С... с Новым годом».

Цинь Мудун стоял у окна, глядя на мерцающие огни домов за окном, и на его губах играла еле заметная улыбка.

У Лу Синцзя всегда была такая магия: стоило ему появиться, как досада, раздражение, те эмоции, что зародились в тёмных уголках души, чудесным образом рассеивались.

Словно что-то почувствовав, сердце Лу Синцзя забилося на два удара быстрее.

Он тоже стоял у окна в своей комнате, подняв голову к звёздному ночному небу.

«Ты...» — его горло сжалось, и он спросил, — «У тебя есть новогоднее желание?»

Цинь Мудун слегка прикрыл глаза: «Я в это не верю».

«Скажи, ну же», — Лу Синцзя тихонько капризничал. «Смотри, сегодня на небе так много звёзд, загадай желание звёздам, и оно, возможно, сбудется».

Зимой на севере небо высокое и много смога, поэтому звёздное небо действительно редкость.

Ночь была тёмно-синей, и блестящие звёзды, словно искорки, сверкали на этом чёрно-синем полотне.

Цинь Мудун изогнул губы и тихо сказал: «Нет».

«Время позднее, отдыхай пораньше».

Сказав это, он, не дожидаясь реакции Лу Синцзя, повесил трубку.

Он выключил свет в гостиной, в темноте вернулся в спальню, сел за письменный стол и небрежно открыл маленькую деревянную коробку на столе.

В ней были нагромождены клочки бумаги разных материалов и форм: вырванные из тетрадей, аккуратные стикеры, и даже салфетки, — вот так, незаметно, вся коробка наполнилась.

Цинь Мудун пристально смотрел на эту коробку с беспорядочными записками, его взгляд был глубоким.

Все звёзды на небе не исполнят его желания.

Потому что то, что он хотел, было звездой.

С другой стороны, слушая гудки в телефоне, Лу Синцзя с некоторым разочарованием вздохнул.

Он чувствовал, что отношение Цинь Мудуна к нему стало каким-то странным, словно он снова вернулся к тому состоянию, когда его держали за тысячи миль

Он что-то сделал не так?

—

Примечание автора:

Позвольте мне прояснить: Дун Гэ не причинит вреда Цзяцзя, ни сейчас, ни в будущем.

—

<http://bllate.org/book/14490/1282449>